

Глава XXVII

Цепь куётся

Вероятно, что редко когда доставалось на долю тихого и невозмутимого Клоистергэма перенести одновременно столько различных волнений, как перенёс их старинный городок наш по поводу исчезновения Эдвина Друда. Долго не унимался говор в груди его, и можно, наверное, было насчитать столько же таинственных, вновь изобретенных прибавлений и догадок – плодов разгоряченного Клоистергэмского воображения, – сколько было жителей в его древних стенах.

Как это обыкновенно бывает в подобных случаях,¹ места, которые Эдвин посещал чаще других, сделались предметом какого-то таинственного ужаса, смешанного с неясной, но постоянной идеей о его призраке: и когда нашлось, как этого и следовало ожидать, несколько счастливых, более других покровительствуемых судьбою, которые уверяли под самой торжественной клятвой, что они сами, своими глазами, видали этот призрак, – то волнение мирных обитателей Клоистергэма перешло в грозную бурю. Эти специальные любимцы Судьбы рассказывали, что перед их глазами ясно являлся образ Эдвина Друда; образ этот, – как оно и подобало каждому приличному и честному привидению, – был весь окутан в длинный белый саван. К этим рассказчикам-духовидцам явилась неожиданным подкреплением некая престарелая, девствующая лэди, живущая совершенно в стороне от Минор-Канонского Угла, которой дух «несчастливого страдальца» явился уж совершенно «ощутительно и живо», говорила она, вздрагивая: отдыхая в сумерки в своей приемной комнате, она услышала стон... Обернувшись, она ясно увидела Эдвина Друда, заглядывающего к ней в окна; взор его был печален, лицо бледно и сердито, и он, указав несколько раз рукою на свое перерезанное от уха до уха горло, еще тяжелее застонал и – исчез!

Но, быть может, рассказ Мистера Дёрдлса из всех других рассказов более всего подействовал на нервы обитателей городка. Много помогло этому впечатлению, вероятно, и² то обстоятельство, что этот престарелый джентльмен так много возился на своём веку с «Костлявыми», что совершенно по привычке уже ко всей этой мёртвой компании и, следовательно, менее других был способен сделаться игрушкой собственного своего воображения по поводу какого бы то ни было привидения, как могло быть оно приписано в отношении к другим. И так, Мистер Дёрдлс видел призрак Эдвина Друда в самом приличном для этого призрака месте – возле Кафедрального Собора, где молодой человек проводил большую часть своего времени, когда был жив.

Здесь мы сделаем маленькое отступление ради желанья своего поделиться с читателем следующим интересным наблюдением: замечательно странно, как³ привидения людей, – погибших насильственной смертью, – любят являться на тех самых местностях, где они потерпели такую обиду: следовало бы, кажется, предположить, и с гораздо большим вероятием, что они (привиденья) именно и будут избегать этих мест, как напоминающих им очень неприятную минуту в жизни. Так нет же!.. Выходит на деле совсем противное. Быть может, что некоторые из ученых земных наблюдателей согласятся, психологии ради, взять на себя труд разъяснить настоящему поколению эту духовскую задачу; будем надеяться, впрочем, что они успеют в этом лучше, нежели успели до сих времён в своих объяснениях о других феноменах духовского проявления, и что они потерпят менее сильное поражение в последнем.

Вернёмся к рассказу Мистера Дёрдлса, который и передадим в собственных выражениях:

«На самую вторую ночь, значит, после той ночи, как приключилась эта оказия, Дёрдлс вышел из дому своего по одному делу, которое касается до его одного, а не до других прочих. Был ли Дёрдлс трезв в то время? Дёрдлс *был* трезв! Он знал, который был тогда час ночи, как знает он это и теперь. Проходя через Тёмный Угол, Дёрдлс слышит шорох возле самого Собора. Был ли то натуральный шорох, или же такой, какой производится “Костлявыми”? Вот и говорю я сам себе:

¹ Далее зачеркнуто: *те*.

² Далее зачеркнуто: *и*.

³ Далее зачеркнуто: *это*.

“Дёрдлс, не пужайся, старина, потому что если ты спужаешься, то затем и удерёшь во все лопатки, а коль удерёшь, так ничего и не узнаешь об этом шорохе”. Так вот Дёрдлс и стал как вкопанный и стоит себе; с минуту после того слышит он этот шорох опять, и прямо он раздается как бы со старой Соборной Башни. Когда Дёрдлс узнал, откуда он слышался, тогда Дёрдлс и посмотрел прямо вверх; не *вниз* он посмотрел, а прямо *вверх*, так и понимайте! – добавляет он с таким выразительным презрением на лице, что легко можно из этого догадаться о его полной уверенности в том, что всё остальное человечество непременно бы посмотрело вниз. – Тогда Дёрдлс увидел *то*, от *чего* всякий бы другой из вас удрал, не оглядываясь, но Дёрдлс посмотрел только еще пристальнее. Прямо на самой острой окраине⁴ Башни сидел неподвижно тот несчастный молодой человек с открытой, голой головой, с одной стороны которой так и струилась его алая кровь при месячном свете. Тогда Дёрдлс громко закричал ему: “Кто это совершил с вами такое злодеянье, Мистер Друд?” Так, именно так, и спросил Дёрдлс. Что ему ответило на этот вопрос привиденье? Про то знает один Дёрдлс и не намерен рассказывать о том никому из вас».

И хотя в продолжение нескольких недель он повторял это происшествие по несколько дюжин раз на день, никто никогда не мог добиться от него ни одного слова более.

Привлекши на свою сторону этим рассказом одну часть жителей городка, большая часть пришла к тому заключению, что то был только один воображаемый миф со стороны почтенного Мистера Дёрдлса; или же, – что было еще вероятнее, – что во всем этом участвовал известный факт постоянного сопровождения Мистера Дёрдлса в его ночных прогулках любимицы его – плетёной таинственной бутылки, на которую и следовало свалить виденное им на Башне.

Но всё это давно давным уже перешло в область минувшего и, как всё минувшее, начинало предаваться забвению и упоминалось лишь изредка. В одном только сердце жило воспоминание грустного происшествия, одна память в целом городе сохранила его так же живо, как и в первые дни оно, – то было сердце и память доброго Минор-Канона, Мистера Криспаркля. Участие его к Невилу и Елене⁵ Ландлесс не охладело, и он всё продолжает навещать их, от времени до времени, в Стэпл-Инне, ободряя сестру и брата словами утешенья, звучащими искренним доброжелательством. Так как, несмотря на своё безграничное доверие к доброй Фарфоровой Пастушке, он не посвятил её в тайну их местопребывания, то она, понятно, удивлялась частым отлучкам сына в Лондон, не догадываясь о причине такой деятельности.

«Септ⁶, мой дорогой мальчик, – говорит она ему однажды, сидя вместе за комфортабельным вечерним чаепитием. – Я хотела бы знать, что это так часто привлекает тебя в Лондон? Спрашиваю тебя, – прибавляет она, расправляя незаметную морщинку на своём изящном фарфоровом платице, – не потому, чтобы я сомневалась в тебе или же предполагала бы возможность того факта, что не все действия твои имеют уважительную причину, так как я совершенно уверена, что именно такая причина и руководит тобой в настоящее время, – но, зная это наперёд, тем более чувствую любопытство узнать её, если ты поделишься со мной ею...»

«И вы узнаете её, не сомневайтесь в том, мама, милая моя, – с улыбкой отвечает Септимус. – Только повремените немного и не забывайте участи любопытной Мистрисс *Синей Бороды*⁷. И мое любопытство страдает, и даже более вашего, но я жду развязки терпеливо».

«Если любопытство твоё имеет отношение к чему-нибудь такому, что я знаю и могу тебе объяснить, то говори, мой милый мальчик, и я тотчас же удовлетворю его и тем подам тебе пример в твою очередь», – невинно замечает эта приятная, любопытная старушка с лукавым взглядом в своих хорошеньких, блестящих глазках и улыбается сыну.

Последний весело смеется и, целуя свою добрую пастушку, отвечает:

«Я-то готов, да боюсь, что вы мало чем можете помочь мне в этом деле: давно, и очень давно уже, как интересуется меня – впрочем, сам не знаю почему – внезапное появление в наш городок

⁴ Далее зачеркнуто: *той*.

⁵ Невил и Елена (*англ.* Neville and Helena).

⁶ Септимус (*англ.* Septimus).

⁷ «Синяя Борода» – французская народная сказка, легенда о коварном муже, литературно обработана и записана французским поэтом и критиком Шарлем Перро (1628–1703) и впервые опубликована им в книге «Сказки моей матушки Гусыни».

этого седого, старого джентльмена... Знаете, постояльца Мис^{[трис]с} Топ... Что он может находить такого привлекательного в этом скучном, глухом местечке?..»

«Разве ты еще не познакомился с ним, Септ?» – вопрошает пастушка.

«И да – и нет; встречал его, конечно, и раскланиваемся оба, но кроме этого шапочного знакомства я мало что знаю о нём. Не пойдти ли мне сегодня вечером, после чая, к этому экс[ц]ентричному⁸ джентльмену?»

И так, после чая Мистер Криспаркль берёт свою шляпу и, нежно расцеловав еще обе щеки своей Фарфоровой Куколки, направляется к Дому у Калитки. Взойдя на первые ступени наружной лестницы, он машинально взглядывает на окна квартиры Регента Певчих. Несмотря на то, что едва только смеркается, в комнате Джаспера горит лампа, ярко освещая все предметы. Ставни еще открыты и то, что представляется взорам Минор-Канона, остановило бы всякого другого. В этом необычайном зрелище главную роль играет сам Регент, и так непонятно действует этот джентльмен, что добросердечный Мистер Криспаркль не может оторвать глаз от него и неподвижно стоит под влияньем какого-то оцепенелого удивленья!

Причина, заставляющая Джона Джаспера действовать так странно, видимо, заключается в каком-то небольшом предмете, который он держит в руке. По временам он бросает эту вещицу с неудержимой яростью на пол, подымая над головой своей руки и ломая их в страшном как будто порыве отчаяния, начиная бегать по комнате с видом помешанного. То, подняв опять с полу эту, как замечает Мистер Криспаркль, блестящую, похожую на золотой медальон вещицу, он подходит к столу, рассматривая её с большим вниманьем при ярком свете лампы. В подобные минуты Минор-Канон видит перед собой такое бледное, помертвевшее лицо и такие блуждающие, диким светом горящие глаза, что он невольно вздрагивает, но – продолжает смотреть. Снова и снова бросает Джаспер вещицу на пол, и снова подыкает он её, и снова рассматривает, и снова сжимается сердце Септимуса при виде этого страшно искажившегося лица.

«Что всё это значит? – думает озадаченный Минор-Канон. – Какое ужасное несчастье могло довести этого человека до такого бешенства?.. Непонятно!..»

Наконец, Джаспер делается спокойнее и спешит к окну запереть внутренние ставни, как бы внезапно пробуждаясь в эту последнюю минуту к чувству опасности со стороны любопытных. Но почтенный Канон видал довольно и все старые, давно уснувшие черные подозрения против этого человека, невольно пробудясь в груди его, заговаривают с новой силою.

Прийдя в себя, он собирается уже совсем отойти от окна с головою, наполненною бесчисленными, самыми разнородными идеями, когда легкий, хотя многозначительный кашель прямо возле его уха заставляет его встрепенуться от этой неприятной неожиданности.

Обернувшись с смущенным удивлением, он видит стоящего за спиною своей Мистера Дэтчери. Праздный холостяк продолжает покашливать, устремив на него насмешливо-пытливый взгляд.

Дэтчери прерывает первый последовавшую тягостную для Мистера Криспаркля минуту молчания.

«А ведь земной шар всё также спокойно и мерно продолжает свое обычное кругообращение, несмотря на старания моего юного соседа, которому бы очень хотелось, кажется, перевернуть его вверх дном, – хладнокровно замечает Мистер Дэтчери, указывая пальцем на окно Джаспера. – Вы наблюдали за *ним*, а я наблюдал за *ним* и за вами. Весьма, весьма оказалось интересным для меня это двойное наблюдение, а подобное сознание чего-нибудь да стоит со стороны такого старого праздношатающегося, как я, который прошёл огонь и воду на своем веку, да и видал такие виды... Надеюсь, преподобнейший сэр, что вы извините мое бесцеремонное присутствие за вашей спиной; честное слово, я не мог удержаться от своего любопытства».

Старый праздношатающийся холостяк мог бы говорить еще в продолжение нескольких часов без малейшей для себя опасности быть прерванным «преподобнейшим». Если наблюдательное положение, в котором застал его Мистер Дэтчери, оказалось бы неловким для всякого другого порядочного человека, то тем более представилось оно унижительно-постыдным для себя самого в глазах бедного Мистера Криспаркля, благороднейшей и честнейшей природы, от

⁸ Англ. eccentric.

души презираноющей всякое действие, похожее на шпионство или подсматриванье. Он почувствовал себя столь пристыженным, что в продолжение нескольких минут не мог собраться с духом, чтобы отвечать Дэтчери.

Последний, не обращая ни малейшего вниманья на М[инор]-Канона и как бы даже не замечая его неловкого положения, упомянув кое-что о чрезвычайной духоте, снимает очень хладнокровно шляпу и, тряхнув седою гривой, начинает спокойно обмахиваться первою, весьма терпеливо ожидая ответа.

«Позвольте мне сознаться прежде всего, – восклицает, наконец, злополучный и добродушный из Минор-Канонов, – что положение, в котором вы застали меня, наполняет меня стыдом, заставляя краснеть, как школьника. И однако же я чувствую себя как бы немного оправданным при мысли, что я, быть может, открыл новую страницу в жизни этого человека!»

«Напрасно изволите беспокоиться, Преподобный сэръ, – отвечает так же хладнокровно Дэтчери. – Очень напрасно, так как я заранее уверен, что все ваши поступки оправдываются целью. Если вы не заняты, – продолжал он, – то не сделаете ли вы мне чести посетить меня в собственной моей квартире?.. Хотя, по правде сказать, общество такого праздного холостяка, – совершенно отвыкшего вдобавок от всякого общества, – не совсем привлекательно, и хотя, вообще говоря, не посмею похвастаться тем, что окажусь приятным хозяином для Вашего Преподобия, но всё же вы мне сделаете честь и удовольствие своим посещением; к тому же, чтобы быть вполне искренним, я желал бы порас[с]просить Вашу Милость о кой-каких безделицах касательно виденных нами сейчас живых картинах».

«Могу вас уверить, мой дорогой сэръ, – отвечает всё еще немного смущённый Канон, – что для меня будет большим удовольствием посетить вас; а чтоб быть столько же искренним с вами, то добавлю, что именно к вам я и шел, когда так неожиданно был задержан этой странной сценой».

Минуя длинный коридор со сводами, они входят в жилище Дэтчери и, усевшись оба, последний, как бы отгадывая о цели посещения гостя, начинает так:

«Преподобный сэръ, я простой человек, живущий целый век свой так, как и подобает простому человеку; это вы сами можете заметить. Жесткая, суровая опытность жизни моей в соприкосновении с таким же жестким и суровым светом отшлифовала меня до такой степени, что имею право считать все свои природные шероховатые наклонности порядком-таки выровненными и поэтому не чувствую ни малейшего желанья подвергнуться еще раз подобному неприятному процессу шлифовки. Говоря яснее, я чувствую себя точно как человек, носивший до сей поры такую узкую обувь, что (боль, сделавшись, наконец, нестерпимой) он решился снять свои башмаки и отбросить их навеки. Башмакам от этого нисколько не хуже, а человеку во сто раз легче. И так, я поселился здесь у вас совершенно на подобном основании, решившись бросить свет или – отбросить свет от себя, что выходит почти одно и то же. Свет не много потерял, теряя меня, а я – остался в выигрыше...»

«Но, дорогой мой сэръ, – перебивает его добродушный Мистер Криспаркль, – неужели никогда не приходило вам на мысль, что эта жесткость света, как вы называете её, более чем полезна для нас, в конце концов? И что все наши несчастья, испытания и горе в жизни только приводят нас к тому, чтобы лучше оценить впоследствии час того Великого Торжественного Покоя, который ожидает всякого смертного в своё время? И неужели вы не цените ни во что посылаемую нам благодать Творцом Вселенной – в виде различных случаев в жизни, когда твердостью духа нашего, кротостью и терпением мы можем поддержать падающего силами слабейшего брата и, подавая ему пример в этой жизни, заслужить и себе, и ему награду в лучшей? Извините меня, Мистер Дэтчери, если я не могу согласиться с вашим воз[з]рением на свет и не разделяю вашей мизантропии».

«Согласен, Преподобный сэръ, что, может быть, я и преувеличил пример; но вы еще молодой человек; и, поживя на свете с моё, быть может, что и вы измените еще не раз ваш взгляд на всё это. Согласен также, что ваши воз[з]рения об обязанностях каждого в отношении к ближнему своему достойны величайшего уважения, но подобный род филантропической философии легче проповедовать, нежели исполнять на деле, а люди в нашем столетии давно уже решились все до одного заботиться лишь о своих собственных интересах, не взирая на нужды братьев. Поймите

меня, я ни одной секунды не позволил бы себе возмечтать, что могу изменить своими словами *ваш* взгляд теперь, в настоящую минуту; но что не много дней пройдет, как вы согласитесь со мною, – в этом я также не сомневаюсь. Но теперь позвольте мне вам задать вопрос: если бы вы, завязши головою в бочке, да вздумали бы внимательно осмотреть всю внутренность оной, что бы вы сочли необходимым сделать для этого в самом начале?»

Вопрос этот, предложенный столь неожиданно для него, озадачивает немного Минор-Канона, но, подумав немного, он отвечает, улыбаясь:

«Постарался бы расширить или же совсем сдернуть обручи, полагаю».

«Спра-вед-ливо! – произносит каким-то странным голосом хозяин, сильно ударяя на последние склады⁹. – Так вот оно и есть начало... И не в обиду будь сказано, я *знаю*, достоверно знаю, что сильнейшее любопытство сжигает внутренности народов Клоистергэмских по поводу того, что в их городе ни с того, ни с другого взял да и поселился старый, праздношатающийся холостяк без всякой видимой для того причины, не имея здесь даже не только ни одного приятеля, но даже знакомого; и я думаю или, скорее, осмеливаюсь предполагать, Преподобный сэр, что ваша милость находится в числе любопытствующих. И так, чтобы скорее прийти к обоюдному понятию друг о друге, позвольте мне первому открыть вам истину. Я действительно *имею* цель, поселившись здесь; *моя* жизнь не окажется бесплодной. Я имею в виду именно расширить *некоторые* обручи, чтобы лучше познакомиться со внутренностью известной бочки, говоря иносказательно, и тем предоставить её на осмотренье и другим».

Мистер Криспаркль мало удивляется последним словам Дэтчери, так как они только подтверждают давнишние его собственные предположения. Несмотря на оригинальный оборот речи, Минор-Канон также догадывается, что во всей этой тайне дело идёт об исчезновении Эдвина Друда, косвенно ли или прямо до последнего касалась цель Мистера Дэтчери, и поэтому он отвечает прямо и решительно:

«Полагаю, сэр, что тут дело идёт о¹⁰ виновнике исчезновения Мистера Эдвина Друда?»

Не успел он произнести эти слова, как поведение седовласого оригинала сделалось еще необычайнее. Вскочив со стула, он предается чрезвычайно фантастической пантомиме; осторожно шагая по направлению к входной двери, он тихо берется за ручку, одним решительным взмахом быстро отворяет её и высовывает голову в тёмный коридор, словно возымев желание нырнуть в непроницаемую тьму его. Тщательно осмотревшись, он возвращается к гостю и шепчет, указывая пальцем в потолок:

«Наш нервный друг уходит и приходит, как и прочие смертные; но более, нежели прочие смертные, он способен явиться в ту самую минуту, когда его менее всего ждут или желают лицезреть. Говорите тише, так как у меня редко бывают посетители, и говор голосов может *именно* привлечь его вниманье и крошечку, самую крошечку, возбудить в нём любопытство, подслушать, о чём у нас речь идёт. Он очень лукав, сэр; да, лукав и хитер; но или я очень ошибаюсь, или же недолго придётся нам ждать того дня, как перед глазами всех откроется самое дно бездонной бочки души его. Быть может, я дурно поступаю, говоря с вами так откровенно, но не думаю, что очень сильно ошибаюсь, предполагая, что ваше мнение о нашем нервном друге весьма похоже на мое собственное. Прав ли я, сэр?»

«Если вы намекаете на то, что я мало доверяю в Джона Джаспера, то вы совершенно правы; надеюсь, что я ошибаюсь в нём ради его же блага, но Бог да простит мне, если я подозреваю невинного человека, но я не могу не думать, что он, и один он, виноват в исчезновении племянника своего, Эдвина Друда!»

«Даст Бог, потерпим и узнаем, наконец, истину. С такими лукавыми людьми следует поступать с одинаковой мерой лукавства. Единственный для того способ и самый верный – дать им время запутаться мало-помалу в собственных сетях хитрости, пока им уже невозможно высвободиться из них и они принуждены задохнуться или – сдаться; но я должен предложить вам еще один вопрос: возможно ли частному человеку получить доступ в подземельное кладбище, находящееся под Собором?»

⁹ слоги (укр.).

¹⁰ Далее зачеркнуто: б.

«Конечно невозможно, разве испросив на то позволения, что случается очень редко».

«Так не знаете ли вы, любезный сэръ, было ли дано такое позволение кому-либо в эти последние месяцы?»

«Не думаю... Пойдите; теперь я вспомнил... Да, так... Я помню хорошо, что наш Регент ходил туда раз ночью в сопровождении Каменщика Дёрдлса... Но это было гораздо ранее Рождественского Происшествия и так давно, что я уж почти забыл о нём. Но зачем вы спрашиваете?»

«Потому что, – таинственно шепчет Дэтчери, наклоняясь почти к уху Минор-Канона, – потому что это ночное путешествие в могильные склепы тесно связано, по моему мнению, с исчезновением Друда, – я говорю, заметьте, по моему мнению, как и почему, не знаю, но – буду знать и очень скоро».

«Но мне непонятно, какое это может иметь отношение к делу? – говорит Минор-Канон в раздумье. – Если он затевал тогда что-либо дурное, то для чего же он брал с собою Дёрдлса? А я уверен, что с ним был Дёрдлс».

«Когда бы вы знали то, что я знаю, сэръ, или же слышали то, что я слышал о происшествии той ночи, то, может быть, уверенность ваша и поколебалась бы... Но мы должны ждать еще немного, пока я осторожно буду снимать обручи, и тогда, да, лишь тогда, увидите вы ясно дно всей бочки».

«Когда придёт это время, – и дай Бог, чтобы оно не заставило ждать себя долго, – то я стану первый благодарить Бога, но... Творец мой! Что это за шум?..» – восклицает М[инор]-Канон, прерванный раздражающими воплями.

Оба прислушиваются, неподвижно стоя среди комнаты... Страшный крик, пронзительный и дикий, пронёсся над их головами... другой... третий, и они как¹¹ будто раздаются из комнаты Джаспера. Бросившись к дверям, они сталкиваются с пономарём и женою его, которые, бледные как полотно и дрожа от страха, прибежали полуодетые из своей комнаты, услышав эти нечеловеческие вопли.

На вопрос Минор-Канона, не знает ли она, где это кричат, Мистрисс Топ божится, что крик выходит прямо из спальни Мистера Джаспера, и все четверо быстро направляются к квартире Регента. Достойный Мистер Топ, желая выказать приличную случаю храбрость, делает вид, что идет впереди всех, но, не доходя до двери Джаспера, мгновенно чувствует необычайный припадок уважения к начальнику своему и, пропуская Минор-Канона вперед, прячется за спину его.

Дойдя до входной двери гостиной, все останавливаются. Мистер Дэтчери, приложив ухо к замочной скважине и не слыша ни малейшего шороха, ни признака жизни, начинает стучать со всей силы кулаком в дверь и производит такой шум, что все галки, квартирующие по деревьям на две мили кругом, улетают со страха, принимая, без сомненья, весь этот переполох за сильный птичий кошмар¹².

«Кто там?» – слышится из соседней комнаты слабый голос Джаспера.

Звук шаркающих босых ног в темноте и прерывистого дыханья Регента слышится им яснее, как он подходит, наконец, к двери и повторяет свой вопрос.

«Соседи», – отвечает лаконически Дэтчери.

Дверь открывается и перед ними является такое лицо, какое лишь можно видеть разве что у мёртвого. Заметно было, что Джаспер сделал предварительную попытку наподобие какого-то туалета ради приличия, но попытка эта, – оттого ли, что его застали врасплох, либо по каким другим, более психологическим причинам, – не удалась, а напротив, придавала ему, если то было возможно, еще более фантастически-страшный вид. Галстук¹³ его своротился на сторону, а волосы стояли дыбом, заставляя предполагать о бессонной борьбе с подушкой.

С удивлением вытаращив глаза на посетителей, он молча приглашает их войти.

В квартире Мистера Джаспера мало произошло перемен с тех пор, как он разделял её с Эдвином Друдом. Над камином всё так же висит портрет Розы, а в углу стоит тот же фортепьяно,

¹¹ Далее зачеркнуто: *бу*.

¹² кошмар (*устар.*, *фр.* cauchemar).

¹³ галстук (*устар.*, *нем.* Halstuch).

заваленный нотами. Храбрый пономарь в ближайшем соседстве со спиной супруги своей, Мистрисс Топ, с чувством какого-то любопытного ужаса на лице начинает осматриваться во все стороны, заглядывая в самые тёмные углы, как бы надеясь выискать в них очевидную причину – в виде ночного страшилища – этих непонятных ему криков. Но он неприятно обманут в своём ожидании совокупно с супругою.

«Вы слышали, вероятно, этот ужасный рев, который поднял нас всех на ноги?» – спрашивает Дэтчери без всякого другого предисловия.

«Нет, не слышал, – отрывисто произносит Джаспер, – и не мудрено; я чувствовал себя не совсем здоровым и поэтому рано лёг спать... Вы разбудили меня стуком в дверь от крепкого сна. Но какой же... или где был этот шум?»

«Шум этот просто-напросто был сильнейшим криком как бы от страха или же сильной физической боли», – отвечает Дэтчери, пристально смотря на собеседника.

«Но разве крик этот не мог происходить ниоткуда более, как только из моей комнаты? – резко осведомляется Джаспер. – Во всяком случае, он даже не мог раздаваться и поблизости, так как если вы могли слышать его из вашей комнаты, то вероятно, что и я слышал бы его також¹⁴ из моей... А я не слышал...»

«Совершенно невозможно предположить, – так же спокойно отвечает холостяк, – чтобы мы все четверо могли ошибаться, спросите у других...»

«Очень рад, во всяком случае, – вмешивается тут в первый раз¹⁵ Минор-Канон, – что уверился в том, что с вами ничего не случилось дурного, Мистер Джаспер, так как сознаюсь откровенно, что было перепугался очень сильно за вас, услышав эти ужасные вопли в вашей комнате; и должен повторить вам, что если они выходили *не прямо* из вашей спальни, то, во всяком случае, где-нибудь в близком соседстве от нее. Жалею, – перебивает он Джаспера, когда тот хотел было возражать, – жалею, что взял на себя смелость потревожить ваш сон, – но первая обязанность всякого честного человека бежать на помощь ближнему своему, если есть причина полагать его в опасности».

Несмотря на холодный тон Минор-Канона, Джон Джаспер начинает горячо благодарить его за участие и кончает, свернув, по обыкновению, речь на племянника.

«Когда бы я сумел принимать подобные предосторожности, – продолжает он грустно, – с бедным моим пропавшим мальчиком, то не имел бы причины тосковать о нём и днём и ночью, как я то делаю теперь. Я думал сегодня о нём более, нежели когда-либо... Кстати, позвольте мне сообщить вам, любезный сэр, что я напал на новый след... хотя и незначительный, но всё же наводящий новое подозрение на преступника».

Смутные воспоминания о слышанных ею рассказах касательно привидения Эдвина Друда, изящно драпированного белым саваном, возникают при этих словах в мыслях Мистрисс Топ и заставляют её бросить несколько боязливых взглядов по направлению всех тёмных углов, но, не найдя в них ничего подобного, к сожалению своему, почтенная лэди успокаивается.

«Искренно желаю вам, – отвечает Мистер Криспаркль, – найти хоть какое-либо верное доказательство относительно его исчезновения; я уверен, что даже самая положительность о смерти его оказалась бы для вас утешительнее всей этой неизвестности».

Мистер Джаспер, тяжело вздохнув, опускает голову на грудь с видом глубокого уныния.

«Кстати, – замечает Мистер Дэтчери, – я сегодня только что приехал из Лондона, где и встретился с одним старым знакомым, который пожелал иметь мой адрес, – как странно, что я забыл было поделиться с вами этой новостью прежде, Мистер Джаспер, – да, забыл, совсем из головы вон вышло!.. – и холостяк, рука которого машинально барабанила до сей поры на лампе, нечаянно передвигает её так, что она ярко освещает лицо Джаспера. – И так, мой приятель пожелал узнать мой адрес в случае, если бы ему вздумалось¹⁶ когда заехать сюда... Услышав название Клоистергэма, он говорит мне: “Стало быть, вам известна уже новость об пропавшем Эдвине Друде?.. О том молодом человеке, который было исчез, но снова появился?” Слышать я

¹⁴ Далее зачеркнуто: *бы*.

¹⁵ Далее зачеркнуто: *еще*.

¹⁶ Далее зачеркнуто: *было*.

слыхал, говорю я ему, о том, что Мистер Друд исчез и что не знают, где и искать его, думая, что он был убит, но, признаться сказать, ничего не слышал о его возвращении. «Однако же, – отвечает мне приятель, – для меня это положительный факт, так как я сам видел его и говорил с ним несколько дней тому...» Но Бог мой!.. Что это с вами делается, Мистер Джаспер?..»

Помертвевшее лицо побледнело теперь еще более; зубы стиснуты, а сжатые конвульсивно кулаки подымаются над головою, и Джаспер, вскочив со стула, бросается с пенящимся ртом к Дэтчери.

«Это ложь!.. Адская ложь!.. – кричит он или, скорее, рычит безумно. – Ваш приятель не мог этого сказать!.. Как он смел?.. Что... кого он видел?.. Когда?..»

Джасперовские руки вдруг опускаются, как две тряпки, он весь вздрагивает, голова его падает на грудь и перед ногами гостей его лежит безжизненная масса.

Последовавшее за сим смятение в первую минуту так сильно, что проходит несколько минут, прежде чем оказывается какая-нибудь помощь этой, по-видимому, бездыханной *вещи*, беспомощно распростёртой на ковре. Минор-Канон и Дэтчери первые приходят в себя и, подняв Джаспера, кладут его на постель. Что касается до Мистера и Мистрисс Топ, то они оказываются сами полумёртвыми с перепугу и не могут подать никакой помощи.

С большим трудом может Минор-Канон добиться от Мистрисс Топ прямого ответа на свой вопрос:

«Замечала ли она, Мистрисс Тот, когда прежде подобные припадки с ее постояльцем?»

На что достойная лэди решается, наконец, придя в себя, ответить ему, «что, действительно, ей был известен этот факт и что она, положительно, сама заставала его несколько раз в подобном бесчувственном состоянии и всегда после какого-нибудь волнения, причинённого потерей племянника»; а далее, что она, Мистрисс Топ, была вполне уверена, что и этот припадок произошел оттого, что «некоторые особы», косясь на виновного Дэтчери, «не умели удержать язычка» и что это был чистейший срам доводить такого бедного, доброго джентльмена до подобного страдания. Долго ли бы она изливала еще своё карающее красноречие, неизвестно, – так как Мистер Дэтчери, не замечая, по-видимому, оскорбительных намеков на свою особу, очень хладнокровно посылает её за крепкой водкой. Когда же Мистрисс Топ возвращается с нею, то находит уж Джаспера сидящим и умоляющим обоих джентльменов извинить его за все эти хлопоты с ним.

Проглотив несколько капель водки из рук мягкосердечной хозяйки своей, Джаспер объявляет, что ему гораздо лучше и что джентльменам не стоит более беспокоиться о нём...

Тысячи подозрений и мыслей, бушующих в честной груди Мистера Криспаркля, отражаются помимо воли его на бесхитростном лице этого джентльмена. Они замечены, быть может, самим Джаспером в минуту прощанья, так как он опять принимается за старую историю, но в виде оправдания теперь:

«Чем более¹⁷ проходит время, Мистер Криспаркль, тем крепче делается мое убеждение, – говорит он, стараясь улыбнуться, но успевая только изобразить гримасу, – что потеря моего дорогого мальчика сделала на меня более впечатления и произвела гораздо худшие последствия, нежели я сам полагал то возможным. Крепко борюсь я с моими чувствами, но всё напрасно! Мысль о нём преследует меня и днём и ночью, вставая с нею поутру, она ложится вместе со мною вечером... И я вполне убеждён, что если подобное состояние продлится еще немного, то я или сойду с ума, или же что эти мысли убьют меня. О!.. Если бы я мог найти кого-нибудь, кто помог бы мне, хоть одну дружескую руку, на которую бы я мог опереться в своём великом горе!.. Но нет, нет! Вокруг меня всё опустело и я брожу один в этой нравственной темноте, блуждая то в ту, то в другую сторону на этой бесконечной равнине предположений и диких гипотез; да, всякий раз найдя себя на том же самом месте, как и прежде, не сделав ни одного шага вперёд, не подвинувшись ни на волос, я чувствую такой новый прилив отчаяния в сердце, такую нравственную пытку на душе, что не дай Бог, чтобы кто другой испытал это на себе!.. О, мой бедный, несчастный мальчик! – рыдает Джаспер, ломая себе руки, – с такими блестящими надеждами в светлом будущем – столько солнечного сиянья и света жизни впереди – и в ту самую

¹⁷ Далее зачеркнуто: *и более.*

минуту, как он был так близок к столь желаемой им цели, достигнув которую, он сделался бы счастливейшим человеком вселенной... О, это ужасно!.. Ужасно и жестоко со стороны судьбы! Зачем не выбрала она *меня* вместо него? С какой восторженной радостью отдал бы я за него эту жизнь, которую один *он* украшал; но нет, нет его более со мною, и я остался один на свете!»

Окончив эту патетическую тираду, не переводя духа, Джаспер бросается на постель и дико заключает подушку в свои объятия. Нежное сердце Мистера Криспаркля более чем тронуту, несмотря на недавние подозрения, которые в эту минуту разлетаются в прах. Он подходит к Регенту со словами утешения, немного шокированный безмятежным хладнокровием и лёгким посвистываньем Мистера Дэтчери, который, усевшись на прежнее место, продолжает барабанить по лампе.

Тон голоса Минор-Канона переменялся и слова симпатии выливаются прямо из глубины голубинового сердца. Джаспер быстро подмечает эту перемену и, хватая доброго Каноника за обе руки, прижимает их к своей груди с следующими словами:

«Благодарю вас, сэра, невыразимо благодарю за эти выражения искреннего участия; видит Бог, как ценю я их, но, несмотря на всё это, чувствую, что не в силах преодолеть себя в этой тяжкой борьбе с воспоминаниями о горестном дне. О, когда бы мне возможно было только забыть обо всём – проснуться с убеждением, что это был один лишь страшный сон, и снова увидеть возле себя моего дорогого мальчика, услышать его звонкий смех и любоваться на весёлое лицо его!.. Увы, увы! Не сон всё это, а горькая, страшная действительность и я его уж не увижу более! Постараюсь, если буду в силах, превозмочь себя, хотя сомневаюсь в успехе: вы правы, напоминая мне, что я только еще хуже расстрою свое без того уже слабое здоровье, а я должен беречь его... Да, должен, потому что иначе его ненавистный убийца останется безнаказанным».

«Простите меня, – неожиданно вмешивается Седовласый, переставая барабанить. – Простите меня, если я до сей поры не подумал еще попросить у вас искреннейшим образом извинения, в неосторожности своей упомянув так неожиданно при вас о полученном от приятеля моего известия; боюсь, что причинил вам сильный вред собственной необдуманностью, но...»

«Ни слова более! – любезно прерывает его Джаспер с далеко не ожидаемой гостями приятной улыбкой на лице. – Ни слова, прошу вас, дорогой мой сэра. Один я виноват во всей этой неприятной сцене, и никто не может более искренно сожалеть о ней, как я. Будьте уверены, что если бы я только мог справиться с этой физической слабостью, произошедшей вследствие немощи духа, то я сделал бы это, но оно оказалось невозможным. И так, не станем более говорить о ней».

«Так как вы, видимо, чувствуете себя лучше, – замечает Канон, еще более озадаченный весёлой улыбкой и развязным тон[ом] Регента после такого ужасного взрыва отчаянья, – то не вижу причины беспокоить вас долее нашим присутствием».

И все трое прощаются... Но Джаспер, остановив еще раз Мист[ера] Криспаркля у дверей, просит его вернуться на минуту и, вынув из кармана хорошо известный Мин[ор]-Канону «Дневник», поспешно открывает его на последних строках, убедительно прося Криспаркля взглянуть на написанное им в тот же день, по уверению его.

Минор-Канон прочитывает следующее:

«Полагаю и надеюсь уж безошибочно на сей раз, что держу в руках последнее звено от цепи, которая должна будет, опутав преступника окончательно, несомненно доказать его вину. Убийца – тот самый, кого я подозреваю с первого дня. Примусь тотчас же за дело и с помощью Небесного Отца надеюсь на полный успех. 20 сентября 18...».

«Желаю вам от всей души не ошибиться», – отвечает Минор-Канон, прочитав и возвращая книгу, и на этот раз, сухо попросившись с Регентом, оба джентльмена уходят окончательно; Криспаркль открывая шествие, а Мистер Топ следуя так же храбро, как и в первый раз, в арьергарде¹⁸. Супружествующие Топы отправляются к себе, и Мистер Криспаркль входит еще раз в комнату Дэтчери.

«Преподобный сэра, – замечает Дэтчери, когда дверь запирается на ключ за ними. – Как вы полагаете, спокойно ли уснёт наш нервный друг в эту ночь?»

¹⁸ арьергарде (*устар.*, фр. *arriere-garde*).

«Будем надеяться на то из сочувствия к нему. Несчастный! – восклицает Минор-Канон с искренней горестью. – Несчастный! Как страшно изменился он в последнее время... Надо как-нибудь помочь ему».

«Дорогой сэръ, вы правы. Что-нибудь да надо сделать и я беру это на себя. Но какой же я неучливый холостяк, – прибавляет Дэтчери, спохватившись. – Стою с вами у дверей и не попрошу вас даже сесть!..»

«Нет, благодарю вас. Мне время домой. Надеюсь увидиться с вами в скором времени».

И радушно пожав холостяку руку, Минор-Канон отправляется тихими шагами домой. Странные звуки чудятся ему в то время, как он проходит мимо Угла, и новые видения встают перед его глазами. Та же мысль, которая так долго занимала его ум после совершения преступления, занимает его и теперь. Но в то время идея его об убийце была неопределенной и неясной, тогда как в эту минуту таинственный незнакомец медленно приподымает скрывавшую его от глаз людских завесу и Минор-Канон с остывающей в жилах кровью начинает узнавать его!

Но Мистер Дэтчери оказывается по-своему еще более чувствительным к этому началу открытия, нежели сам Криспаркль, если взять во внимание странное поведение этого джентльмена с той самой минуты, как он остается один в своем жилище... Заперев дверь на ключ, он начинает разуваться с добродетельным поползновением отправиться на ночной покой; но, одумавшись, только снимает сапоги и, вскочив на ноги, обутое в одни чулки, немедленно приступает к исполнению самых фантастических антрашà с присоединеньем дьявольского смеха, адресованного собственному изображенью в зеркале. После чего, прибавив несколько черточек мелом к таинственному счету в шкафу, он окончательно раздевается и идёт спать.